

I.

"Зачем мятутся народы и племена замышляют тщетное? Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против Помазанника Его. "Расторгнем узы их и свергнем с себя оковы их"¹.

Так же как тогда, когда, не постигая сущности, мы обычно дивимся новому явлению, так, познав причину, мы смотрим свысока, словно осмеивая, на тех, кто пребывает в удивлении. Удивлялся некогда и я, что римский народ во Вселенной без всякого сопротивления взял верх, ибо при поверхностном взгляде я полагал, будто он достиг этого не по праву, а лишь силою оружия². Но после того, как я всмотрелся в самую глубину очами ума и постиг на основании убедительнейших признаков, что это совершено Божественным провидением, удивление мое прекратилось и его сменила некая насмешливая высокомерность, когда я узнал, что народы роптали против владычества римского народа, когда я увидел, что народы замышляли суетное, как и я сам когда-то, и когда, сверх того, я горевал, что короли и правители, единые в этом пороке, противились своему владыке и помазаннику римскому властителю. Вот почему, смеясь над ними, но не без некоторой скорби о славном народе и о Цезаре могу я повторить восклицание того, кто говорил Владыке неба: "Зачем мятутся народы и племена замышляют тщетное?"

Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против Помазанника Его". Но так, как естественная любовь несовместима с длительным осмеянием, будучи подобна летнему солнцу, которое при своем восходе, рассеяв утренние облака, сияет своими лучами и предпочитает, отбросив осмеяние, проливать свет исправления, так и я, дабы расторгнуть узы неведения этих королей и правителей и показать, что род человеческий свободен от их оков, сам вместе со святейшим пророком обращаюсь к себе, предвосхищая последующее, со словами: "Расторгнем узы их и свергнем с себя оковы их". И то и другое будет сделано надлежащим образом, если я выполню вторую часть своей задачи и раскрою истину поставленного вопроса. Ведь если будет показано, что Римская империя существовала по праву, не только будет снята туманная пелена неведения с глаз королей и правителей, захвативших бразды правления и лживо обвиняющих в этом народ римский, но и все смертные признают себя свободными от ига этих узурпаторов. Истина же этого вопроса может быть раскрыта не только с помощью света человеческого разума, но при помощи луча Божественного авторитета. Так как оба приходят к одному и тому же, небо и земля оказываются по необходимости в согласии. Итак, опираясь на вышеупомянутую уверенность, вполне полагаясь на свидетельство разума и авторитета, приступаю я к разрешению этого вопроса.

II.

После того как в достаточной мере - насколько то позволяла материя предмета - было исследовано первое сомнение, надлежит теперь исследовать второе, то есть по праву ли стяжал римский народ первенство в империи. Вначале следует выяснить, какова та истина, к которой сводятся, как к своему исходному принципу, аргументы намеченного исследования. Итак, надлежит знать, что, подобно тому как искусство трехступенно,

существуя в уме мастера, в орудии и в материи, формируемой этим искусством, так и природу мы можем рассматривать как трехступенную. Ведь природа существует в мысли первого источника движения, то есть Бога, а затем - в небе, как в орудии, посредством которого подобие вечной доброты раскрывается в текучей материи. И подобно тому, как если при совершенном мастере и наилучшем орудии окажется изъян в форме искусства, то его надлежит всецело приписывать материи¹, так и в том случае, когда Бог достигает предела совершенства, а Его орудие (каковым является небо) не терпит ни малейшего ущерба в должном своем совершенстве, что явствует из философских рассуждений наших о небе, приходится все изъяны в земных вещах считать изъянами, зависящими от лежащей в основе материи, не входящими в намерения Бога-созидателя и неба; и все, что есть в земных вещах хорошего, поскольку оно не может проистекать от материи, существующей лишь в потенции, происходит первично от Бога-мастера, а затем от неба, которое есть орудие Божественного искусства, обычно называемого природой. Уже из этого явствует, что право, будучи благом, первично существует в мысли Бога и что все существующее в мысли Бога есть Бог (в соответствии со словами: "И все созданное было в Нем жизнью"²); Бог же наиболее желает Самого Себя, следовательно, право, поскольку оно находится в Боге, есть предмет желания Бога. И так как воля и предмет воли в Боге одно и то же, то следует далее, что Божественная воля есть это право. И далее из этого следует, что право в вещах есть не что иное, как подобие Божественной воли. Отсюда мы заключаем, что все несозвучное Божественной воле не может быть этим правом, а все, что Божественной воле созвучно, есть это право. Вот почему спрашивать, по праву ли совершено что-либо (хотя слова и другие), - значит спрашивать, совершено ли это в согласии с тем, чего хочет Бог. Итак, в качестве исходного предложения нужно выдвинуть следующее: все, чего Бог хочет в обществе человеческом, то надлежит считать истинным и подлинным правом. Кроме того, нужно помнить о том, чему учит Философ в первых книгах "Никомаховой этики": "Не в любой материи одинаково следует искать достоверности, но сообразно с тем, что воспримлет природа вещи"³. Вот почему аргументы из найденного принципа будут развиты удовлетворительно в том случае, если в авторитетных свидетельствах мудрецов и в явных знаках мы станем искать право славного римского народа. Ведь сама воля Бога незрима, но "незримость Божья усматривается интеллектом из самого творения"⁴. В самом деле: даже если печать скрыта⁵, воск, получивший ее оттиск, даст о ней явное понятие, и неудивительно, если Божественную волю надлежит искать в знаках, коль скоро и воля человеческая за пределами того, чья это воля, усматривается не иначе как в знаках.

III.

Итак, я отвечаю на вопрос и говорю, что римский народ по праву, без узурпации, стяжал над всеми смертными власть монарха, именуемую империей. Доказывается это, во-первых, так. Знатнейшему народу подобает занимать первое место по сравнению со всеми прочими; римский народ был знатнейшим¹; следовательно, ему подобает занимать первое место по сравнению с прочими. Доказательство основано на ранее принятом допущении, ибо, поскольку честь есть награда доблести и всякое выдвижение на первое место есть честь, всякое выдвижение доблести на первое место есть награда. Но известно, что с помощью доблести люди становятся знатными, а именно либо собственной доблестью, либо доблестью предков. Ведь, согласно Философу в "Политике", знатность и древние богатства есть доблесть², а согласно Ювеналу:

Знатности нет ведь нигде, как только в доблести духа³.

Эти два суждения относятся к двум видам знатности: собственной и предков. Стало быть, знатым на основании причины их знатности приличествует и награда первенства. А поскольку награды должны быть измеряемы заслугами, по словам Евангелия: "Какою мерою мерите, такою и вам будут мерить"⁴, постольку наиболее знатному приличествует первое место. В правильности предпосылки убеждают свидетельства древних: ведь Божественный поэт наш Вергилий во всей "Энеиде" сохраняет свидетельство для вечной памяти, что славный царь Эней был отцом римского народа. Это подтверждает Тит Ливий, отменный летописец подвигов римских, в первой части своего тома, начинающегося со взятия Трои. Мне невозможно изъяснить, какой знатности был этот непобедимый и благочестивый отец, не только основываясь на его собственной доблести, но и на доблести его предков и его жен, чья знатность по наследственному праву перешла и к нему самому, и я положусь на "высокие свидетельства самого прошлого".

Итак, что касается его собственной знатности, надобно выслушать нашего поэта, который в первой книге выводит Илионея, говорящего так:

Царь у нас был - Эней⁵, его справедливей другого

Не было, ни благочестней, ни выше в войне и сраженьях.

Нужно выслушать его и в шестой книге, где он говорит об умершем Мисене, который был слугою Гектора на войне, а после смерти Гектора сделался слугою Энея. Он говорит, что Мисен "избрал не худшую участь", уравнивая тем самым Энея с Гектором, которого Гомер ставит над всеми прочими, как передаст о том Философ в книгах о соблюдении нравов, посвященных Никомаху. Что же касается наследственной знатности, каждая часть нашего трехчастного мираб сделала Энея знатым как при посредстве его предков, так и его жен.

А именно Азия - посредством его ближайших предков, Ассарака⁷ и прочих, царствовавших во Фригии, области Азии, почему поэт наш и говорит в третьей книге⁸:

После того, как богам было Азии власть и безвинный

Приама род ниспровергнуть угодно...

Европа сделала его знатым благодаря древнейшему предку, а именно Дардану⁹. Наконец, Африка - через древнейшую прародительницу, а именно Электру, дочь Атланта, царя с громким именем. О них обоих свидетельствует наш поэт в восьмой книге, где Эней так говорит Эвандру¹⁰:

Дардан, первый отец и строитель Троянского града,
От Электры, как ходит молва среди греков, рожденный,
К Тевкрам прибыл; произвел на свет Электру великий
Атлас, кто держит плечом голубые эфирные круги.

Что Дардан был родом из Европы, об этом наш вещий прорицатель¹¹ поет в третьей книге, говоря:

Есть страна, что зовут Гесперии именем Граи¹²,
Древняя область, оружием сильна и земли плодородьем;
Мужи Энотры¹³ там жили; ныне гласят, что потомки
Краю Италии дали, вождя по имени, имя:
Это исконные наши владения; там Дардан родился.

А что Атлант происходил из Африки, тому свидетельницей гора, носящая его имя и находящаяся в Африке, как говорит Орозий в своем описании мира¹⁴: "Последний же предел ее гора Атлас и острова, называемые Блаженными". "Ее" - то есть Африки, так как о ней шла речь.

Равным образом оказывается, что Эней был знатным и благодаря супружеству. Ведь первая его супруга, Креуса, дочь царя Приама, была из Азии, как это можно судить по ранее приведенному тексту. А что она была его супругой, о том свидетельствует наш поэт в третьей книге, где Андромаха спрашивает Энея-отца о его сыне Аскании:

Что же мальчик Асканий? Живет ли и воздухом дышит?
Тот, кого в Трое тебе родила горящей Креуса¹⁵.

Вторая супруга была Дидона, царица и мать карфагенян в Африке. А что она была супругой, тот же наш поэт вещает в четвертой книге, ибо он говорит о Дидоне:

О потаенной любви не хочет думать Дидона;
Браком это зовет, прикрывая свой грех этим словом.

Третья была Лавиния, мать альбанцев и римлян, дочь и наследница царя Латана, если верно свидетельство нашего поэта в последней книге, где он выводит побежденного Турна, который умоляет Энея так:

...Ты меня победил. На глазах у Авзонов

Руки к тебе я простер: бери Лавинию в жены.

Эта последняя супруга была из Италии, знатнейшей области Европы. После всего сказанного для уяснения нашей предпосылки кто не будет вполне убежден, что отец римского народа, а следовательно, и сам народ были знатнейшими под небом? И для кого останется скрытым Божественное предопределение в этом двойном слиянии кровей из каждой части мира в одном-единственном муже?¹⁶

IV.

Равным образом и то, что посредством свидетельства чудес содействовало его совершенствованию, было угодно Богу, а следовательно, совершилось по праву. Истинность этого очевидна, так как, по словам Фомы¹ в третьей книге его сочинения "Против язычников", "чудо есть то, что происходит по Божественной воле вопреки обычному, установленному порядку вещей"². Отсюда он доказывает, что одному лишь Богу свойственно творить чудеса, и это подкрепляется авторитетом Моисея: когда совершилось чудо песьих мух³, маги фараона, хитроумно прибегавшие к естественным началам, но в данном случае не преуспевшие, сказали: "Здесь перст Божий". Если, таким образом, чудо есть непосредственное действие первого действующего начала, без участия начал вторичных, как тот же Фома достаточно убедительно доказывает в вышеупомянутой книге, и так как совершается оно в чью-либо пользу, безбожно было бы утверждать, что чудо это не от Бога.

Но справедливее считать противоположное: Римская империя для своего совершенствования получала подкрепление в виде свидетельства чудес; следовательно, она угодна Богу, а стало быть, существовала и существует по праву. А то, что для совершенствования Римской империи Бог являл чудеса, подтверждается свидетельствами знаменитых авторов. Ибо при Нуме Помпилии, втором царе римлян, когда он совершал жертвоприношение по языческому обычаю, с неба в Богоизбранный город упал щит. Свидетельствует о том Ливий в первой части. Об этом же чуде упоминает Лукан в девятой книге "Фарсалии", описывая невероятную силу Австра⁴, от которого страдает Ливий, ибо он утверждает:

...Не так ли

Пали пред Нумой щиты, что патриции носят на шее,

В час приношений его: ограбил, должно быть, народы

Или Борей, или Австр, примчавший нам эти доспехи.

А когда галлы, взяв уже остальную часть города, под покровом ночного мрака, тайком проникли в Капитолий, который единственно оставалось взять для полной гибели римского имени, гусь, которого ранее там не видели, возвестил о присутствии галлов⁵ и побудил стражей к защите Капитолия, о чем согласно друг с другом свидетельствуют Ливий и многие блестящие писатели. Об этом упоминает и наш поэт, описывая Энеев щит в восьмой песни, ибо он поет так:

Манлий стоял в высоте, Тарпейской сторож твердыни

Перед храмом, храня Капитолии горные, дал

Ромулов зрелся дворец и щетинился свежей соломой,

Здесь серебряный гусь, летая по позлащенным

Портикам, пел, что галлы уже на самом пороге.

Когда же римская знать под натиском Ганнибала обессилела настолько, что для окончательного разорения Римского государства достаточно было лишь вторжения пунийцев в город, внезапно налетевший ужасный град, внеся смятение, не дал победителям довести свою победу до конца⁶, как говорит Ливий в "Пунической войне", описывая это среди прочих событий. Разве переправа Клелии не была удивительной, если женщина, плененная во время осады Порсенны, сорвав оковы, воодушевляемая дивным содействием Божьим, переплыла Тибр⁷, о чем упоминают почти все летописцы Римского государства, к ее вящей славе? Так подобало действовать Тому, Кто от века предвидел все в прекрасном строе; и подобно тому, как впоследствии Зримый творил чудеса ради Незримого, так Он же, Незримый, являл их ради Зримого.

V.

Кроме того, всякий, кто имеет в виду благо республики, имеет в виду цель права. Что это так, докажет и личное отношение человека к человеку, при сохранении которого сохраняется человеческое общество. Ведь формулировка в "Дигестах"² не говорит, что такое право по существу, а описывает его по определению правильно охватывает как сущность, так и причину, а цель всякого общества есть общее благо; таким образом, не может существовать право, не имеющее в виду общее благо. "Первой риторике": "Всегда законы должны быть толкуемы ко благу республики"³. Если же законы не являются законом, они законы лишь по имени, на деле же таковыми быть не могут. Ведь законам надлежит служить общему благу. Потому хорошо говорит Сенека о законе в "Книге о четырех добродетелях": "Закон - это уздечка, направленная на благо республики направлена и на цель права. Следовательно, если римляне имеют в виду общее благо, скажут, что они имели в виду и цель права. А то, что римский народ, подчиняя себе мир, имел в виду общее благо. Во всех них, отрешившись от всякой корысти, всегда являющейся противницей республики, и во всем святой народ, набожный и славный, явно пренебрегал собственными выгодами, для того чтобы послужить общему благу. Вот почему правильно написано: империя Римская рождается из источника благочестия"⁵.

Но так как в намерении всех действующих по выбору ничто не оказывается явным вопне, кроме знаков, а исследовать речи надлежит сообразно предлагаемой материи, как уже было сказано, для римского будут обнаружены по несомненным знакам, являемым как в целых коллегиях, так и в отделах, которых тем или иным образом люди связываются с республикой, достаточно одного лишь авторитета в обязанностях". Он говорит: "Пока власть республики держалась на благодеяниях, а не на несправедливостях, либо в защиту империи, а исходы войн бывали либо мягкими, либо неизбежными; гаванью и прибежищем же магистры и императоры стремились стяжать славу прежде всего тем, чтобы защищать пролетариат доверием; итак, скорее можно было бы говорить об отчуждении земного круга, чем об империи".

Что касается отдельных лиц, о них я скажу подробнее. Неужели нельзя утверждать, что имели в виду потерей сыновей и увечьями, отдавая душу свою, пытались преумножить общее достояние? Разве Цицерон надлежит слагать с себя должность по истечении срока, коль скоро его сделали диктатором, отойдя от победы, после триумфа, вернув скипетр консулам, он по доброй воле возвратился к сохе, чтобы обогатиться похвалой, Цицерон, рассуждая в книгах о целях благ против Эпикура, упомянул о нем в следующих словах: "Цинциннату бросить плуг, чтобы сделать его диктатором". Разве Фабриций не явил нам высокий пример бедняком, он с усмешкой принял тяжелый слиток золота, врученный ему за верность республике, отверг его? Память об этом обновил и поэт наш в шестой книге, воспевая:

...мощного
Доле Фабриция⁷.

В

Ужели Камилл не был для нас достопамятным примером того, что не следует предпочитать закону присужденный к изгнанию после того, как освободил осажденную отчизну и вернул римскую доблесть священный город и не вернулся в него прежде, чем ему было вручено разрешение Сената возвратиться, прославляет поэт в шестой книге, говоря:

...вернувшего стяги Камилла⁸.

Разве Брут не научил первый предпочитать всему свободу отечества⁹, жертвуя собственными сыновьями? Ливий говорит, что, будучи консулом, он предал смерти собственных сыновей, участвовавших в заговоре, в шестой книге нашего поэта, поющего о нем так:

...и	сам	сыновей,	замышляющих
К	казни	отец	злополучный,
Приговорил...			свободы

Муций показывает нам, на что можно отважиться для родины, когда он неосторожно напал на собственную, ошибившаяся рука¹⁰, - с таким же лицом, с каким он смотрел бы на терзаемого врага, в черед оных священнейших жертв, Дециев, которые ради благоденствия общего положили свои жизни. Муций рассказывает не столько в меру должного, сколько в меру своих собственных сил. К этому следует прибавить подлинной свободы Марка Катона¹². Те не убоялись мрака смерти ради спасения отечества и показать, как много она значит, предпочел уйти свободным из жизни, чем оставаться в ней без свободы. Муций говорит о Дециях следующее: "Публий Деций, глава этого заговора, ворвавшись на коне в середину войска латинян, разве мог бы помышлять о своих наслаждениях - где-нибудь в доме? Ведь он искал эту смерть более пламенно, чем надлежит, согласно Эпикуру, искать наслаждения. Муций справедливости прославлен, не мог бы послужить образцом подражания для его сына в четвертой книге последнего, когда он вел войну с Пирром и консул пал в битве, став третьей жертвой из этого заговора в обязанностях" Цицерон говорил о Катоне: "Ведь в одном положении был Марк Катон, в другом прочем. Он может быть, и было бы поставлено в упрек, если бы они покончили с собой, потому что жизнь их была посвящена добродетели. Катон, поскольку природа одарила его невероятной строгостью нравов и он закалял ее с постоянным мнением и решением: Катон предпочел умереть, чем смотреть в лицо тирану"¹³.

Итак, разъяснены два пункта. Один из них: всякий, кто имеет в виду благо республики, имеет в виду и благо народа. Теперь будем аргументировать в защиту основного положения так. Все Римский народ, покоряя мир, имеет в виду цель права, как это с очевидностью было доказано выше. Римский народ, покоряя мир, делал это по праву, а потому по праву стяжал власть империи¹⁴. Дабы вывести это заключение сделать очевидным следующее утверждение: все, что имеет в виду цель права, идет вместе с правом. Любая вещь существует ради какой-нибудь цели, иначе она существовала бы напрасно, а этого бы не было, как любая вещь существует ради своей особой цели, так и любая цель имеет свою особую вещь. Невозможно, чтобы два каких-нибудь предмета как таковые, будучи двумя, имели одну и ту же цель. Несовместность, а именно один из них существовал бы напрасно. Поскольку, следовательно, у права есть цель, необходимо, чтобы при обозначении этой цели обозначилось и само право, ибо цель в подлинном и сама есть право. И так как в любом заключении невозможно иметь антецедент (предшествующий) без консеквента (последующий), так и человека без понятия живого существа, что ясно как в положительной, так и в отрицательной форме. Так и право, самого права, поскольку любая вещь относится к собственной цели как консеквент к антецеденту: право без здоровья вообще. Отсюда с полной очевидностью явствует, что тот, кто имеет в виду цель права, имеет и право. Здесь не имеет силы возражение, обычно извлекаемое из слов Философа, посвященных евбулийскому силлогизму, когда выводится то, что надлежит выводить, но при помощи ложного среднего термина¹⁵. Если из ложного выводится истинное, это бывает случайно, поскольку это истинное привносится посредством самого ложного. Никогда не вытекает из ложной посылки, хотя знаки истинного все же могут вытекать из знаков, являющихся истинными в практике. Ведь хотя бы вор и помогал бедняку из украденного им, это не следует называть милостыней, если бы производилось из собственной субстанции. Подобным же образом обстоит дело с правом. Если право в качестве цели права без самого права, то оно было бы целью права, то есть общим благом. Но право не приобретено, а есть милостыня, и, следовательно, когда в предложении говорится о существующем, оно не имеет силы. Таким образом, очевидно то, что требовалось доказать.

VI.

И то, что установила природа, сохраняется по праву; ведь природа в своей предусмотрительности не уступает предусмотрительности человека, так как, если бы она ей уступала, действие превосходило бы причину по своему совершенству, что невозможно. Но мы видим, что, учреждая коллегии, учреждающий принимает во внимание не только взаимный порядок членов, но и способность их к выполнению обязанностей, а это значит принимать во внимание правовую ограниченность коллегии или данного ее состава, ибо право не простирается дальше своей возможности. Следовательно, и в такой предусмотрительности природа, когда что-либо упорядочивает, остается непогрешимой. А это значит, что природа упорядочивает вещи, сообразуясь со своими способностями; и соображение это есть основа права, заложенная природою в вещах. Из этого следует, что природный порядок в вещах не может быть сохранен без права, коль скоро фундамент права неразрывно связан с этим порядком. Таким образом, порядок, установленный природой, необходимо сохранять правом. Римский народ был предопределен к господству от природы, и это разъясняется так. Подобно тому как отступил бы от совершенства искусства тот, кто имел бы в виду лишь завершающую форму, а о промежуточном, посредством чего он этой формы достигает, не заботился бы, - подобно этому отступила бы от совершенства природа, если бы она имела в виду во Вселенной лишь универсальную форму Божественного подобия, а промежуточным пренебрегала бы. Но природа не терпит недостатка ни в каком совершенстве, будучи произведением Божественного разума; следовательно, она имеет в виду все промежуточное, посредством чего можно дойти до конечной цели ее намерения. Поскольку, стало быть, существует цель человеческого рода

и существует нечто посредствующее, необходимое для достижения универсальной цели природы, необходимо, чтобы природа имела его в виду. Посему правильно поступает Философ во второй книге "Физики", доказывая, что природа всегда действует ради цели². И так как этой цели природа не может достигнуть силами одного человека, коль скоро существует много действий, необходимых для этого и требующих множества действующих субъектов, необходимо, чтобы природа производила множество людей, предназначенных к выполнению различных действий, чему, помимо небесных влияний, значительно способствуют силы и свойства мест здесь, на земле³. Оттого мы видим, что не только отдельные люди, но и целые народы способны от рождения повелевать, а другие - подчиняться и служить, как это доказывает Философ в книгах "Политики", и для таких, как он сам говорит, быть управляемыми не только полезно, но и справедливо, даже если их к этому и принуждают. Если это так, нет сомнения, что природа приуготовила некое место и племя к владычеству над всем миром; иначе оказалось бы, что она не имела бы сил осуществить свое намерение, а это невозможно. Какое же это место и какое племя, достаточно ясно из сказанного выше и из того, что будет сказано ниже, а именно это был Рим и его граждане, или народ. Сказанного коснулся весьма тонко и наш поэт в шестой книге, выведя Анхиза, который наставляет Энея, отца римлян, так:

Тоньше других ковать будут жизнью дышащую бронзу -
Верю тому - создадут из мрамора лики живые,
Красноречивее будут в судах, движения неба
Тростью начертят своей и вычислят звезд восхожденья.
Ты же, римлянин, знай, как надо народами править,
Пусть твои будут искусства: условия накладывать мира,
Ниспроверженных щадить и ниспровергать горделивых!⁴

А предопределенности места он тонко касается в четвертой книге, выводя Юпитера, говорящего с Меркурием об Энее следующим образом:

Нам его не таким прекрасная мать обещала
И не затем защищала от Грайев оружия дважды;
Но для того, чтобы, чреватой могуществом, бранью дрожащей,
Правил Италией он...⁵

Теперь мы в достаточной мере убеждены, что римский народ был предназначен природой к тому, чтобы повелевать. Следовательно, римский народ, покоряя мир, по праву достиг империи.

VII.

Чтобы вполне уловить сущность того, о чем ставится вопрос, надлежит знать, что Божественное решение иногда бывает в вещах явным, а иногда оно скрыто от людей. Сделать очевидным сказанное можно двояко: посредством разума и посредством веры. В самом деле: некоторые решения Бога таковы, что человеческий разум может дойти до них сам, например что человек должен жертвовать собою для спасения родины. Ведь если часть должна жертвовать собою для спасения целого, то, поскольку человек есть некая часть государства, как явствует из слов Философа в его "Политике", он должен жертвовать собою за родину, поступаясь меньшим благом ради лучшего. Отсюда слова Философа в "Никомаховой этике": "Ведь приятное существует и для одного-единственного человека, но лучше и Божественнее то, которое существует для племени и государства". И это есть решение Бога, иначе разум человеческий в своей правоте не отвечал бы намерению природы, что невозможно. Существуют и такие решения Божьи, до которых человеческий разум хотя и неспособен дойти собственными силами, однако поднимается до них при поддержке веры в то, о чем вещает нам Священное писание. Например, до следующего: никто, как бы он ни был совершенен в моральных и интеллектуальных добродетелях, как по своему характеру, так и по своему поведению, не может спастись без веры; предполагается, что он никогда ничего не слышал о Христе, ибо разум человеческий сам по себе неспособен усмотреть справедливость этого, однако с помощью веры может. Ведь написано в Послании к евреям: "Без веры угодить Богу невозможно"¹. И в Книге Левит: "Если кто из дома Израилева заколет тельца или овцу или козу в стане или вне стана и не принесет дара Господу ко входу скинии, человек тот виновен будет в пролитой крови"². Вход в скинию являет собою прообраз Христа, который есть вход вечного чертога, как можно это заключить из Евангелия, а заклание животных - человеческие действия³. Сокровенное же решение Божье - это такое решение, постичь которое человеческий разум не в силах ни на основании закона природы, ни при помощи Писания, но постигает только в отдельных случаях благодаря особой благодати, и бывает это несколькими способами: иногда путем простого откровения, иногда путем откровения при посредстве некоего испытания. Путем простого откровения бывает это двояко: либо по произволению Божью, либо путем просительной молитвы. По произволению Божью опять-таки двояко: либо прямо, либо посредством знамения. Прямо - как было возведено решение о Самуиле против Саула⁴; посредством знамения - как было возведено фараону посредством знамений то, что Бог решил об освобождении сынов Израилевых⁵. О пути просительной молитвы ведал тот, кто говорил во Второй книге Паралипоменон: "Ибо мы не знаем, что делать, только одно остается нам - обратить очи наши к Тебе". Путем испытания опять-таки это возможно двояким образом: либо путем жребия, либо путем состязания. Ведь "cenare" ("состязаться") происходит от "certum facere" ("делать достоверным")⁶. Путем жребия иногда возвещается решение Бога так, как это видно на примере избрания Матфея в Деяниях апостолов. Путем состязания Божье решение открывается двояко: либо из столкновения сил, как это бывает при кулачных боях, называемых также "duelliones", либо при состязании нескольких лиц, пытающихся первыми достигнуть какого-нибудь знака, как это бывает у соревнующихся в беге атлетов. Первый из этих видов у язычников был изображен в той борьбе Геркулеса с Антеем, о которой упоминает Лукан в четвертой книге "Фарсалии" и Овидий в девятой книге "Метаморфоз". Второй вид изображен у них же в состязании Аталанты и Гиппомена⁷, в десятой книге "Метаморфоз". Нельзя оставить без внимания и того, что при этих двух видах состязания дело обстоит так, что в одном случае состязающиеся, не причиняя друг

другу увечья, могут противодействовать друг другу, как это бывает в кулачных боях, а в другом случае нет; ведь атлеты не должны мешать друг другу (впрочем, наш поэт держался, видимо, иного мнения в пятой книге, где Эвриал⁸ получает награду). Поэтому лучше поступил Туллий, запретив это делать в третьей книге "Об обязанностях" и следуя здесь мнению Хрисиппа, ибо он говорит так: "Умно, как и во многих других случаях, судит Хрисипп: бегун на стадионе должен стараться и всеми силами добиваться победы, но он отнюдь не должен оттеснять того, с кем состязается". Итак, проведя в настоящей главе эти различия, мы можем почерпнуть из них для нашей цели два действенных довода, а именно: один - из состязания атлетов и другой - из состязания кулачных бойцов. Подробнее я разовью их в главах, следующих непосредственно за этой.

VIII.

Стало быть, тот народ, который в состязании занял первое место среди всех боровшихся за власть над миром, занял его по Божественному решению. Ведь если уничтожение всеобщего спора больше заботит Бога, чем уничтожение спора частного и в частных спорах Божественное решение испрашивается посредством атлетического состязания, согласно ходящей пословице - "кому Бог дал, того и Петр благословит", нет никакого сомнения, что преимущество, полученное в атлетических состязаниях тех, кто борется за мировое владычество, было результатом Божественного решения. Римский народ одержал верх над всеми, кто боролся за мировое владычество¹; это станет очевидным, если посмотреть и на состязавшихся, и на приз, или конечную цель. Приз, или конечная цель, был - повелевать всеми смертными; это мы и называем империей. Но это не удалось никому, кроме римского народа: он не только первый, но и единственный достиг конечной меты состязания, как сейчас станет ясным. Ведь первый среди смертных, кто, задыхаясь, устремлялся к этой мете, был Нин, царь ассирийян; но хотя он вместе со своей женой Семирамидой и добивался оружием на протяжении девяноста лет и более (по словам Орозия) получить власть над миром, покорив всю Азию, однако западные страны мира никогда не были им завоеваны. О них обоих вспоминает Овидий в четвертой книге, где говорит, повествуя о Пираме:

Семирамида стеной окружала кирпичной когда-то...-

и дальше:

Там, где Нин схоронен, там спрячутся возле, под тенью.

Вторым устремился к этой мете Везогез, царь Египта, и хотя он завоевал и юг и север Азии, как говорит о том Орозий, однако никогда не владел более чем половиной мира; мало того, скифы помешали ему завершить его предприятие. Далее Кир, царь персов, пытался это сделать; после разрушения Вавилона и перехода владычества от вавилонян к персам и он не пытался завладеть западными странами, одновременно отрекшись от жизни и своего намерения под ударами Тамирисы, царицы скифов². Затем Ксеркс, сын Дария и царь над

персами, обрушился на мир с таким множеством племен, с такою военною силою, что построил мост через пролив, разделяющий Азию и Европу³, между Сестом и Абидосом. Об этом удивительном сооружении упомянул Лукан во второй книге "Фарсалии":

Древле, молва говорит, над морем сделал дороги

Ксеркс в гордыне своей...

Но в конце концов, позорно вынужденный отказаться от своего замысла, и Ксеркс не сумел достичь цели. Кроме них, и притом позднее, царь Александр Македонский, ближе всех других подошедший к тому, чтобы стяжать славу монархии, засылал послов, убеждая римлян сдаться. Ожидавший в Египте ответа римлян, Александр, как повествует Ливий, словно на середине своего бега упал наземь. О существующей там, в Египте, его могиле приводит свидетельство Лукан в восьмой книге, обличая Птолемея, царя Египта, так:

Ты, обреченный на смерть, последний отпрыск Лагидов,

Ты, что распутной сестре уступишь подаренный скипетр!

Если в пещере святой хранишь ты прах македонца...

"О бездна богатства и премудрости и ведения Божья!"⁴ - кто не удивится тебе? Ведь ты удалила из состязания Александра, пытавшегося одолеть в беге римского соперника, не дав его дерзости двинуться дальше.

А что Рим стяжал пальму первенства в этом состязании, подтверждается многими свидетельствами. В самом деле: поэт наш говорит в первой книге:

Истинно, что с обращеньем годов когда-то отсюда

Явятся римлян вожди, от крови восставленной Тевкра⁵,

Что они море и землю держать будут волей единой.

И Лукан в первой:

Меч тиранию дробит, и богатства народа - владыки,

Морем, и твердой землей, и целым владевшего миром

Мало теперь для двоих.

И также Боэций во второй книге, говоря о принцепсе римлян, утверждает: "Под его скипетром народы, которые Феб в беге своем освещает от крайних пределов востока до запада, где светило погружает в волны свои лучи. Под властью его - народы, угнетаемые семью ледяными валами, и те племена, которые опалает насильник Нотб, раскаляющий горячие пески". Это свидетельствует и летописец жизни Христовой, Лука, возглашающий всю правду в следующей части своего повествования: "Вышел указ от цезаря Августа о переписи во всем мире"⁷. Из этих слов мы можем ясно уразуметь, что законы римлян распространялись тогда на весь мир. Из сказанного очевидно, что римский народ занял первое место в состязании⁸ со всеми домогавшимися владычества над миром; следовательно, он занял его по Божественному решению и, стало быть, получил это по Божественному решению, что равносильно тому, что получил он это по праву.

IX.

И то, что приобретается в поединке, приобретается по праву. Ведь повсюду решение человеческое имеет недостатки, будучи окутано мраком неведения или не имея защиты судей; дабы справедливость не осталась в забвении, надобно прибегнуть к Тому, Кто возлюбил ее настолько, что Своею кровью, умирая, удовлетворил ее требованию. Потому говорится в псалме: "Праведен Господь и возлюбил справедливость"¹. А бывает это тогда, когда с согласия обеих сторон происходит борьба между силами души и тела, не по причине ненависти или любви, но единственно из жажды справедливости, и тогда для решения их спора призывается Божий суд. Эту борьбу мы называем поединком² (*duellum*), ибо первоначально она была введена как единоборство. Но всегда надлежит остерегаться следующего. Так же как в военных делах сначала нужно испробовать все возможности посредством некоего спора и лишь напоследок решиться на сражение, как предписывают это в полном согласии друг с другом и Туллий, и Вегеций, последний в сочинении "О военном деле"³, а первый - в сочинении "Об обязанностях"⁴, и, так же как при медицинском уходе нужно испробовать все, прежде чем прибегнуть к железу и огню, обращаясь к этим последним лишь в крайнем случае,- так и решая спор, мы обращаемся к этому средству лишь в крайнем случае, после того как испробовали все пути, словно понуждаемые некоей необходимостью справедливости. Итак, становятся ясными две формальные особенности поединка: во-первых, только что указанная; во-вторых, та, которой мы коснулись выше, а именно агонисты, или участники поединка, должны выходить на палестру, движимые не любовью или ненавистью, а единственно ревнуя о справедливости, с общего согласия. И потому хорошо говорит Туллий, касаясь этого предмета, а именно утверждая: "Войны, целью которых является венец империи⁵, надлежит вести с наименьшим ожесточением".

Если указанные формальные особенности поединка соблюдены (ведь иначе он бы перестал быть поединком), разве те, кого собрала, с их общего согласия, жажда справедливости,- разве ревнители этой справедливости не соединились во имя Божье? А если так, разве Бог не среди них, коль скоро сам это обещает нам в Евангелии? А если присутствует Бог, разве не грех полагать, что справедливость может потерпеть поражение? Справедливость, которую он возлюбил настолько, насколько это уже указано было выше. А если справедливость не может потерпеть поражения в поединке, разве то, что приобретается в поединке, не приобретается по праву? Эту истину признавали и язычники еще до того, как

вострубила труба евангельская, ища решения о поединке у фортуны. Вот почему Пирр, благородный наследник обычаев и крови Эакидов, когда были отправлены к нему послы римлян с предложением о выкупе пленных, хорошо ответил им: "Злата не требую я, и не давайте мне выкуп. Я имею дело не с торгующими, а с воюющими: мечом, а не золотом решим, кому принадлежит жизнь. Пусть Гера определит, кто будет царствовать, пусть решит судьба, подвергнув испытанию доблесть. Свободу того, кого пощадит Фортуна, пощажу и я несомненно. Этот примите дар".

Таковы слова Пирра⁶. Герой он называл Фортуну, мы же лучше и правильнее назовем ее Божественным провидением. Вот почему да остерегаются кулачные бойцы, чтобы побудителем их не стали деньги, ибо в таком случае пришлось бы назвать это не поединком, а форумом крови и несправедливости, и тогда уже не следует думать, будто здесь присутствует в качестве арбитра Бог, а присутствует здесь тот исконный враг, который всегда внушает распри⁷. Пусть те, кто действительно хотят быть единоборцами, а не торговцами кровью и несправедливостью, имеют перед глазами своими у входа в палестру Пирра, который, борясь за владычество над миром, презирал золото так, как было сказано. Если против разъясненной нами истины возразят, сославшись, как обычно, на неравенство сил, это возражение опровергается победой, одержанной Давидом над Голиафом. И если язычники потребуют иного примера, пусть они опровергают это возражение победой, которую Геркулес одержал над Антеем. Ведь весьма глупо предполагать, что силы, укрепляемые Богом, окажутся слабейшими. Уже достаточно ясно показано, что приобретаемое посредством поединка приобретается по праву.

Х.

Римский народ обрел империю в поединке; это подтверждается свидетельствами, достойными доверия: при их разборе становится ясным не только сказанное, но и то, что все подлежавшие разрешению споры решались от начала Римской империи посредством поединка. Ведь с самого начала, когда спор шел еще о местопребывании Энея, праотца этого народа, и Энею противился Турн, владыка рутулов, тогда в конце концов, с общего согласия обоих владык, чтобы узнать, на чьей стороне Божественное благоволение, прибегли к поединку один на один, как поется о том в конце "Энеиды"¹. В этом состязании милость Энея-победителя была столь велика, что, если бы не открылась перевязь, которую Турн сорвал с убитого им Паланта², победитель даровал бы побежденному и жизнь, и мир, как поется о том в последних стихах нашего поэта. И когда два народа процвели в Италии из одного троянского корня, а именно народ римский и народ альбанский³, и долгое время продолжался спор об эмблеме орла и о богах-пенатах троянцев и должности принцепса, в конце концов, с общего согласия, чтобы узнать решение, было устроено состязание между тремя братьями Горациями, с одной стороны, и таким же числом братьев Куриациев - с другой, в присутствии царей и расположившихся по ту и другую стороны римлян и альбанцев. После трех кулачных боев, проигранных альбанцами, и двух - римлянами, пальма победы при царе Гостилии перешла к римлянам. И это прилежно в первой части своего труда свел воедино Ливий, с которым согласен также Орозий⁴. Впоследствии, повествует Ливий, римляне, несмотря на множество участников сражения, еще придерживались правил поединка в войнах за господство, которые они вели. Римляне всегда уважали законы войны, борясь с соседними народами - сабинянами и самнитами. Именно этот способ ведения войны с самнитами едва не заставил римлян сожалеть о том,

что они доверились фортуне в своих первоначальных планах. Лукан во второй книге об этом и говорит в следующих стихах:

Толпы какие легли у Коллинских ворот в эту пору -

В дни, когда места едва державная мира столица

Не изменила и был самнит исполнен надежды

Рим опозорить сильнее, чем ког

А после того как улеглись раздоры италийцев и еще не начата была по Божественному решению борьба с греками и пунийцами, которые - и те и другие - стремились к господству, Рим одержал верх, когда Фабриций на стороне римлян и Пирр на стороне греков оспаривали друг у друга славу империи; когда же Сципион на стороне италийцев, а Ганнибал на стороне африканцев вели войну в форме поединка, африканцы не выдержали натиска италийцев, как стремятся это показать Ливий и другие римские историки. У кого же теперь окажется столь тупой умб и кто не увидит, что по праву поединка прославленный народ стяжал венец всего мира? Римский муж поистине мог сказать о себе то, что Апостол сказал Тимофею: "Возложен на меня венец правды"⁷, то есть возложен в вечном провидении Божьем. Пусть же смотрят теперь преисполненные дерзости юристы⁸, насколько ниже они по сравнению с той дозорной вышкой разума, откуда человеческая мысль созерцает эти принципы, и пусть замолкнут они, довольствуясь буквальным толкованием смысла и значения закона.

И уже ясно теперь, что римский народ стяжал империю в поединке; следовательно, стяжал он ее по праву; а показать это была главная задача, поставленная нами в настоящей книге. До сих пор тема эта уяснялась посредством доводов, преимущественно опиравшихся на принципы разума; теперь то же самое надлежит раскрыть из принципов веры христианской.

XI.

Ведь особенно роптали и выдумывали пустые вещи о главенстве Рима те, кто называют себя ревнителями христианской веры; и им не жаль бедняков Христовых, которых не только обманывают при церковных сборах, но они расхищают ежедневно даже отцовское достояние, и нищает церковь, когда такие ревнители, соблюдая видимость справедливости, не допускают вершителя справедливости. И такое обнищание не происходит без решения Божья, коль скоро к беднякам, чьим отцовским достоянием являются церковные средства, эти средства не попадают¹, и они не принимаются с благодарностью от жертвующей империи². Пусть уйдут они туда, откуда пришли: пришли они хорошо, уходят плохо, ибо даяния были хороши, но попали к плохим владельцам. Что сказать о таких пастырях? Что сказать, если достояние церкви оскудевает, тогда как собственность лиц, с нею связанных, растет? Но, может быть, лучше продолжать наш путь и в благоговейном молчании ждать помощи от Спасителя.

Я утверждаю, следовательно, что, если Римская империя существовала не по праву, Христос, родившись, совершил бы несправедливость³. Консеквент (вывод) ложен; следовательно, истинно суждение, противоречащее антецеденту (предпосылке)⁴. Ведь противоречащие друг другу суждения переходят взаимно друг в друга, если придать им противоположный смысл. Ложность консеквента доказывать верующим незачем; ведь, если он верующий, он признает его ложность, а если не признает, он неверующий, а если он неверующий, то довод, о котором идет речь, к нему не относится. Вывод я доказываю так: тот, кто соблюдает повеление добровольно, подтверждает делом, что оно справедливо; а так как дела убедительнее слов (как склонен думать Философ в конце "Никомаховой этики"), такое подтверждение убедительнее, чем одобрение словом. Но Христос, как свидетельствует летописец Его Лука, соизволил родиться от Девы Матери в дни, когда было обнаружено повеление римской власти, дабы при этой исключительной переписи рода человеческого Сын Божий, став человеком, был записан как человек; а это и значило соблюсти повеление. А может быть, благочестивее будет полагать, что повеление было сделано цезарем по Божественному наитию, дабы Тот, Кого столько времени ожидали среди смертных, Сам вместе со смертными вписал бы Себя в их число. Следовательно, Христос делом подтвердил, что повеление Августа, действовавшего от имени римлян, было справедливо. И так как из справедливости повеления вытекает право юрисдикции, необходимо, чтобы признавший справедливым повеление признал бы и юрисдикцию, которая была бы несправедливой, если бы не осуществлялась по праву. И следует заметить, что аргумент, направленный на разрушение консеквента, хотя по своей форме он и сводится к одному из мест "Топики"⁵, однако силу свою обнаруживает посредством второй фигуры силлогизма⁶, если редуцировать его по первой фигуре как аргумент, основанный на допущении антецедента. А редуцируется он так: все несправедливое утверждается только с помощью несправедливых методов; Христос никогда не прибегал к несправедливым словам; следовательно, Он не признавал несправедливое. Путем полагания антецедента так: все несправедливое утверждается несправедливо; Христос признал нечто несправедливое; следовательно, Он признал нечто несправедливо.

ХII.

И если Римская империя существовала не по праву, грех Адама не был наказан во Христе¹, а это ложно; следовательно, суждение, противоречащее тому суждению, из которого заключение вытекает, истинно. Ложность консеквента выясняется так. От греха Адама все мы грешники, по слову Апостола: "Как через одного человека вошел грех в мир² и с грехом смерть, так и во всех людей вошла смерть, потому что в нем все согрешили"; следовательно, если бы этот грех не был искуплен смертью Христа, мы по сей день оставались бы сынами гнева по природе своей (то есть природе поврежденной). Но это не так, коль скоро Апостол свидетельствует в Послании к ефесянам, говоря об Отце: "Он предопределил усыновить нас через Иисуса Христа, по решению воли Своей, в похвалу и славу благодати Своей, и благодатию этой Он облагодетельствовал нас в возлюбленном Своем Сыне, в котором мы имеем искупление кровью Его и прощение грехов, по богатству благодати Его, изобильно нам дарованной"³. И коль скоро Сам Христос, терпя муку, в Евангелии от Иоанна говорит: "Совершилось!"⁴ Ведь там, где что-либо совершилось, уже не остается что-либо делать. Для порядка следует знать, что наказание не просто мука, причиняемая творящим беззаконие, но мучение, на которое обрекает их тот, кто наделен правом наказывать. Вот

почему, если мука причиняется не полномочным судьей, она не есть наказание, а, скорее, несправедливость. Вот почему некто и говорил Моисею: "Кто поставил тебя судьей над нами?"⁵ Если, следовательно, Христос не пострадал бы при полномочном суде, эта мука не была бы наказанием; и судья не мог бы быть полномочным, если бы он не был наделен правом творить суд над всем человеческим родом, поскольку карался весь человеческий род в плоти Христа, взявшего на Себя или понесшего болезни наши (по слову пророка). И цезарь Тиберий, чьим наместником был Пилат, не имел бы права творить суд над всем человеческим родом, если бы Римская империя существовала не по праву⁶. Вот почему Ирод, хотя он и не ведал, что творит (подобно Каиафе, возвестившему истину о небесном решении), отдал Христа на суд Пилату, как свидетельствует Лука в своем Евангелии. Ведь Ирод правил не в качестве наместника Тиберия под эмблемой орла или под эмблемой Сената, но был королем, поставленным Тиберием управлять отдельным королевством, и права его были ограничены. Пусть же перестанут порочить империю Римскую те, кто мнят себя сынами церкви, видя, что жених ее Христос признал империю в начале и в конце Своей миссии. И теперь уже достаточно очевидно, полагаю я, что римский народ по праву стяжал мировую империю.

О счастливый народ, о славная Авзония! Что было бы, если бы никогда не рождался тот, кто подорвал мощь твоей империи⁷, или если бы никогда не обманывало его самого благочестивое его намерение!

